

5. УРОВНЕВАЯ ТЕОРИЯ ПОЛИПРЕДИКАЦИИ: ДАННЫЕ ОСЕТИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ*

О. И. Беляев

В данной главе рассмотрены две полипредикативные конструкции осетинского языка, в которых используется сочинительный союз *æмæ* 'и', а также русские конструкции причины на предмет их классификации в терминах сочинения и подчинения. Показано, что свойства этих конструкций разделяются на три класса: свойства, связанные с линейным порядком клауз и союза; свойства, связанные с действием Ограничения на сочинительную структуру; свойства, связанные с семантикой конструкции. Это говорит о том, что подход к сочинению и подчинению, предложенный в работах [Culicover, Jackendoff 1997] и [Yuasa, Sadock 2002], требует выделения не двух, а трех уровней, на которых определяются понятия «сочинение» и «подчинение». Такие три уровня (с-структура, f-структура и семантика) имеются в теории Лексико-функциональной грамматики, которая, таким образом, идеально подходит для описания подобных конструкций.

1. Введение

Проблема сочинения и подчинения является центральной темой дискуссий в области типологии и теории полипредикации вот уже не один десяток лет. За это время возникло великое множество различных концепций, как популярных до сих пор, так и практически забытых; можно назвать хотя бы теорию шкал (континуумов) К. Леманна [Lehmann 1988], теорию «соподчинения» У. Фоли и Р. ван Валина [Foley, Van Valin 1984]; прагматический подход к сочинению и подчинению [Cristofaro 2003]; ряд

* Исследование выполнено при поддержке проекта РФФ 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира». Глава основана на более ранних работах автора [Беляев 2015; Belyaev 2015b], переработанных, дополненных и объединенных в рамках единой концепции. Часть осетинских примеров взята из Осетинского национального корпуса (<http://corpus.ossetic-studies.org>).

менее строго сформулированных типологических подходов, например [Haspelmath 1995]; наконец, генеративные теории, такие как [Johannessen 1998]¹. При таком большом числе подходов удивительно, что до сих пор не существует ни одной широко признанной теории сочинения и подчинения. Это наводит на мысль о том, что, возможно, следует изменить саму постановку вопроса.

В недавней работе [Bickel 2010] было показано, что ни одно сочетание традиционных признаков сочинения и подчинения, предлагавшихся ранее в литературе, не позволяет выделить типологически стабильные классы конструкций. Иначе говоря, число типов полипредикации, выделяемых на основании простого применения текстов, не намного меньше числа самих признаков. Это говорит о том, что подходы, основанные на «батареях тестов»², «вслепую» применяемых к разнотипным языкам, заведомо обречены на провал. Малоперспективны также концепции, постулирующие некий «третий тип» конструкций наряду с сочинением и подчинением, вроде «соподчинения» У. Фоли и Р. Ван Валина; подобные категории, как правило, становятся «мусорной корзиной» для всех конструкций, не укладывающихся в традиционную дихотомию. Прагматический подход, сводящий всё подчинение к понятию пресуппозиции, игнорирует обширную литературу по ассертивным зависимым клаузам (см. хотя бы [Green 1976; Lakoff 1984]). Наконец, континуумы Леманна лишь в общих чертах описывают границы языкового варьирования в области полипредикации; они не делают предсказаний и не могут использоваться даже в чисто дескриптивных целях, поскольку никакой объективной процедуры определения позиции конструкции на каждой из этих шкал предложено не было.

Представляется, что необходима формальная, дедуктивная теория сочинения и подчинения, позволяющая выводить из общих принципов все разнообразие конкретно-языковых типов полипредикации, делая предсказания о пределах языкового варьирования в этой области. При этом не следует исключать и того, что исходно бинарное противопоставление распадется на большее число параметров, если того требуют данные; однако важно, чтобы каждое из значений этих параметров было строго определено и подвергалось эмпирической проверке.

На мой взгляд, наиболее многообещающим направлением на пути к такой теории является уровневый подход к сочинению и подчинению,

¹ Следует, правда, заметить, что генеративные анализы, за исключением [Culicover, Jackendoff 1997] и последовавших за ней работ, в основном сосредоточены на каноническом сочинении, а не на промежуточных типах.

² Термин М. Хаспельмата.

предложенный в работах П. Куликовера, Р. Джэкендоффа, Э. Юаса и Дж. Сейдока [Culicover, Jackendoff 1997; Yuasa, Sadock 2002]. Он позволяет разделить понятия «сочинение» и «подчинение» на несколько отдельных категорий, применимых на разных уровнях структуры языка. Однако проблема этого подхода состоит в том, что теоретические парадигмы, в рамках которых он сформулирован (теория П. Куликовера и Р. Джэкендоффа, Автолексический синтаксис Дж. Сейдока), являются недостаточно эксплицитными и не позволяют однозначно предсказать круг признаков, характерных для каждого из уровней.

В настоящей главе я, во-первых, покажу, что двух уровней, выделяемых этими исследователями, недостаточно для описания всего разнообразия свойств псевдосочинительных конструкций в осетинском языке (раздел 2) и придаточных причины в русском языке (раздел 3). Во-вторых, я предложу переформулировку уровневой теории сочинения и подчинения в терминах Лексико-функциональной грамматики, что позволит существенно повысить степень эксплицитности предлагаемого анализа.

2. Псевдосочинение в осетинском языке

Термины «псевдосочинение» (англ. *pseudocoordination*) и «псевдоподчинение» (англ. *pseudosubordination*) были впервые предложены в работе [Yuasa, Sadock 2002] для обозначения синтаксических конструкций, обладающих смешанными сочинительно-подчинительными свойствами. «Псевдосочинительными» называются такие конструкции, которые, будучи сочинительными с точки зрения структуры составляющих («синтаксически сочинительными»), обнаруживают ряд синтаксических и семантических свойств, характерных для подчинительных конструкций, то есть являются, по мнению Э. Юаса и Дж. Сейдока, «семантически подчинительными». «Псевдоподчинительными», в свою очередь, называются такие конструкции, для которых верно обратное несоответствие.

Примером псевдосочинительной конструкции является следующая конструкция в английском языке, которую П. Куливер и Р. Джэкендофф [Culicover, Jackendoff 1997] назвали Left-subordinating AND:

- (1) *One more can of beer and I'm leaving.*
'Еще одна банка пива, и я пойду.'

Несмотря на то что данная конструкция оформляется сочинительным союзом *and* 'и', она обладает семантикой, близкой к условной. П. Куливер и Р. Джэкендофф показали, что синтаксические свойства этой

конструкции, связанные с такими явлениями, как анафора, являются подчинительными. По мнению исследователей, это объясняется тем, что данная конструкция является синтаксически сочинительной, но семантически подчинительной.

Примером псевдоподчинительной конструкции, рассмотренной в [Yuasa, Sadock 2002], является т. н. комитативное сочинение в русском языке:

(2) *В комнату вошли Петя с Васей.*

Несмотря на то что в данной конструкции ИГ *Петя с Васей* выглядит как подчинительная — предлог *с* приписывает творительный падеж второму конъюнкту — она обладает рядом свойств, характерных скорее для сочинения. В частности, глагол согласуется с такими ИГ по множественному числу, как при сочинении, но не по единственному числу, как можно было бы ожидать при полностью подчинительном анализе. Руководствуясь этими и другими синтаксическими фактами, Э. Юаса и Дж. Сейдок приходят к выводу, что данная конструкция, будучи синтаксически подчинительной, с семантической точки зрения является сочинительной.

В данном разделе будут подробно рассмотрены две конструкции в осетинском языке, в которых союз *æмæ* 'и' используется в нетипичной для себя функции: для маркирования придаточных причины и пропозициональных сентенциальных актантов³. Свойства, демонстрируемые этими конструкциями, различны: если конструкции с пропозициональным *æмæ* действительно можно считать псевдосочинительными в понимании [Ibid.], то конструкции со значением причины являются сочинительными по всем рассматриваемым мною параметрам. Это означает, что «семантически подчинительная» конструкция совсем не обязательно обладает какими-либо сочинительными свойствами. Иными словами, уровень «абстрактного синтаксиса» необходимо отличать от уровня семантики высказывания, а то, что в [Yuasa, Sadock 2002] и [Culicover, Jackendoff 1997] называется «семантическим сочинением / подчинением», скорее следует считать «глубинно-синтаксическим сочинением / подчинением» (или f-подчинением, если считать, что уровень «абстрактного синтаксиса» — это нечто вроде f-структуры, используемой в Лексико-функциональной грамматике).

³ Для удобства я буду называть все подобные конструкции «псевдосочинительными», хотя их синтаксические свойства различны.

2.1. О рассматриваемых конструкциях

В осетинском языке союз *æмæ* ‘и’ используется в следующих не вполне типичных для сочинения функциях. Подробнее о круге нестандартных употреблений этого союза можно прочесть в работе [Беляев 2015]. В настоящей статье будут рассмотрены два неканонических употребления этого союза. Во-первых, он может вводить сентенциальные актанты при глаголах *фæндын* ‘хотеть’, *æнхъæл уæвын* ‘думать’⁴ и некоторых других предикатах (чаще всего с валентностью на пропозицию):

- (1) *Маен фæнд-ы, æмæ æрба-цæу-ай.*
я.GEN хотеть-PRS.3SG и PV-идти-SBJV.2SG

‘Я хочу, **чтобы** ты пришел.’

- (2) *Ды æнхъæл дæ, æмæ афтæмæй*
ты (думать) быть.PRS.2SG и так

а-хицæн уы-дзы-стæм?
PV-отдельный быть-FUT-1PL

‘Ты думаешь, (**что**) мы так разойдемся?’ [Ахвледиани 1969: 322]

Во-вторых, в сочетании с формой дательного падежа местоимения *уый* (*уымæн*) или другой анафорической группой с этим местоимением, выражающей причину (чаще всего *уый тыххæй* ‘из-за того’), союз вводит придаточные причины:

- (3) *Æз бар нæ дæтт-ын дæу-æн куыст-мæ*
я право NEG давать-PRS.1SG 2SG-DAT работа-ALL
а-цæу-ын-мæ, уым-æн æмæ рынчын дæ.
PV-идти-INF-ALL тот-DAT и больной быть.PRS.2SG

‘Я тебе не даю право выходить на работу, **потому что** ты болен.’ [Кулаев 1959: 20—21]

- (4) *Иуане-имæ хицæу-ттæ лымæн уыд-ысты,*
Иуане-ALL хозяин-PL друг быть-PST.3PL
уый тыххæй æмæ ис-кæй æхца æфстау
ТОТ[GEN] для и INDEF-кто.GEN деньги заем

⁴ Глагол *æнхъæл уæвын* является сложным глаголом, состоящим из именной части *æнхъæл* и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’. Именная часть в независимом употреблении значит ‘надежда’; поскольку значение сложного глагола непосредственно не выводится из значения именной части, я буду условно глоссировать последнюю как ‘(думать)’.

куы ба-хъуыд-и гæртам-ы тыххæй,
 когда PV-быть.нужным-PST.3SG взятка-GEN для
уæд ын уым-æй ис-ын код-той.
 тогда он.DAT тот-ABL братъ-INF делать-PST.3PL

‘С Иуане начальство дружило, **потому что**, когда кому-нибудь нужны были деньги займы на взятки, оно (начальство) рекомендовало ему брать их у него.’ [Кулаев 1959: 21]

Первую конструкцию я буду далее называть «пропозициональным псевдосочинением», вторую — «причинным псевдосочинением».

2.2. Причинное и пропозициональное псевдосочинение в сопоставлении с каноническим сочинением и подчинением

2.2.1. Каноническое сочинение и подчинение в осетинском языке

В данном разделе сочинительно-подчинительные свойства двух рассматриваемых конструкций будут сопоставлены с соответствующими свойствами двух других конструкций — канонического сочинения и подчинения. Понятие канонического сочинения в комментариях не нуждается: это соединение двух финитных клауз посредством союза *æмæ*, по своей семантике аналогичное сочинительным конструкциям с союзами *и*, *а* в русском языке.

Что касается канонического подчинения, то в осетинском языке оно имеет свою специфику, связанную с тем, что подавляющее большинство подчинительных конструкций в этом языке являются подвидами т. н. коррелятивной конструкции⁵. Эта конструкция устроена следующим образом. Зависимая клауза находится в самом начале предложения; семантическая функция зависимой клаузы маркируется предглагольным показателем, как правило омонимичным соответствующему вопросительному слову (*чи* ‘кто’, *цы* ‘что’, *куыд* ‘как’, и т. п.). Синтаксическая функция зависимой клаузы в главной обозначается указательным местоимением или наречием, соответствующим значению клаузы (для референции к объектам и ситуациям используется указательное местоимение дальнего дейкиса *уый*, для референции к времени — *уæд* ‘тогда’ и т. п.), которое принято

⁵ Подробнее о коррелятивной конструкции в осетинском языке см. [Беляев 2014; Belyaev 2014].

называть *коррелятом*. Использование коррелята, как правило, обязательно. Зависимая клауза и коррелят не образуют составляющей, что видно из того, что они могут быть отделены друг от друга любыми составляющими главной клаузы.

- (5) [Сә-хи-мә **куы** 'рба-цызд-и] мах
 их-сам-ALL когда PV-идти-PST.3SG мы
уый **размә** а-цызд-ыстәем.
 тот[GEN] перед PV-идти-PST.1PL
 'Мы ушли **до того, как** он пришел.'

Существует и альтернативная конфигурация коррелятивной конструкции, когда зависимая клауза непосредственно примыкает слева к корреляту. В таком случае зависимая клауза и коррелят образуют составляющую, поскольку они не могут быть разорваны. Кроме того, два сочетания «зависимая клауза + коррелят» могут быть сочинены, что было бы невозможно, если бы каждое из них не было составляющей:

- (6) Алан *кәс-ы* [DP [**цы** **чиныг** **ын**
 Алан читать-PRS.3SG что книга он.DAT
ба-ләвар код-та Аслан], **уый**],
 PV-подарок делать-PST.3SG Аслан тот
әмә [DP [**цы** **статья** *ны-ффыст-а Зауыр*], **уый**].
 и что статья PV-писать-PST.3SG Заур тот
 'Алан читает **ту книгу, которую** ему подарил Аслан, и **ту статью, которую** написал Заур.'

Помимо предглагольных подчинительных показателей, участвующих в образовании коррелятивных конструкций, в осетинском также имеется ограниченный класс «плавающих» союзов. К этому классу относится всего четыре союза: *цәмай* 'чтобы', *кәд* 'если', *цыма* 'будто', *цалынмә* 'пока'. Такие союзы могут находиться либо в начальной позиции в клаузе, либо в предглагольной позиции. При этом перед «плавающими» союзами в начальной позиции могут также находиться вынесенные влево составляющие; таким образом, союз может находиться в любой позиции от начала клаузы и до предглагольной:

- (7) а. *Мән фәнд-ы*, [**цәмай** ды дзул *ба-лхән-ай*].
 я.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы ты хлеб PV-купить-SBJV.2SG
 б. *Мән фәнды*, [ды дзул **цәмай** *балхәнай*].
 в. *Мән фәнды*, [ды **цәмай** дзул *балхәнай*].
 'Я хочу, **чтобы** ты купил хлеб.'

2.2.2. Ограничения на линейный порядок клауз

В осетинском языке в канонической сочинительной конструкции ни одна из клауз не может быть вложена в другую (8a) и линейный порядок клауз не может быть произвольно изменен: он должен соответствовать их временной последовательности (8b) [Haiman 1985: 216].

- (8) а. **Зауыр, ама с-хуыссыд,*
 Заур и PV-лежать[PST.INTR.3SG]
сæ-хи-ма æрба-цъд-и.
 3PL-REFL-ALL PV-идти-PST.INTR.3SG
- б. ??*Зауыр с-хуыссыд, ама сæ-хи-ма æрба-цъд-и.*
 ('Заур пришел домой и лег спать.')

Напротив, в коррелятивной конструкции допустимо гнездование зависимой клаузы внутри главной. Однако при этом за ней обязательно⁶ должно следовать местоимение-коррелят, поэтому такая зависимая клауза не может находиться в абсолютном конце предложения:

- (9) а. *Гуыба ба-зъд-та,*
 Губа PV-знать-PST.3SG
 [*Джерихан Алимурза-има кæй фæ-бадт-и*], *уый.*
 Джерихан Алимурза-СОМТ COMPL PV-сесть-PST.3SG тот
- б. **Гуыба базъдта уый,* [*Джерихан Алимурзаима кæй фæбадти*].
 'Губа узнал **то, что** Джерихан просидел с Алимурзой.' [Багаев 1982: 388]

По данному признаку обе псевдосочинительные конструкции скорее относятся к сочинению. В пропозициональном псевдосочинении «зависимая» клауза всегда следует за «главной», а союз находится посередине между ними:

- (10) **Æма йæ Алан сай-ы,*
 и он.GEN Алан обманывать-PRS.3SG
 (*уый*) *Зауыр æнхъæл у.*
 тот Заур (думать) быть.PRS.3SG
 ('Заур думает, **что** Алан его обманывает.')
- (11) **Зауыр, ама Алан уы-ма а-цъд-ис,*
 Заур и Алан тот-ALL PV-идти-PST.3SG

⁶ Исключение составляют придаточные цели и сентенциальные актанты: при следовании за главной клаузой они могут использоваться без коррелята; однако в других позициях коррелят остается обязательным и для них.

(уый) *æнхъæл* у.

тот (думать) быть.PRS.3SG

(‘Заур думает, **что** Алан к нему пошел.’)

При каузальном псевдосочинении гнездование также невозможно (12), но возможна перестановка двух клауз (13). Однако при этом союз обязательно должен находиться между двумя клаузами, что сближает эту конструкцию с сочинением. Какая из клауз является «главной», а какая — «зависимой», определяется исключительно позицией местоимения-коррелята *уымæн*:

- (12) **Зауыр уымæн, æмае йын æххормаг уыд-и,*
 Заур тот.DAT и он.DAT голод быть-PST.3SG

æнаехъæн фыдджын ба-хорд-та.

целый фыдджын PV-есть-PST.3SG

(‘Заур съел целый фыдджын, **потому что** был голоден.’)

- (13) *Æххормаг Зауыр-æн уыд-и,*
 голод Заур-DAT быть-PST.3SG

æмае уым-æн уый æнаехъæн фыдджын ба-хорд-та.

и тот-DAT тот целый фыдджын PV-есть-PST.3SG

‘Заур был голоден, и поэтому он съел целый фыдджын.’

Замечу, что дательный падеж в осетинском языке не используется для выражения причины вне этой конструкции и некоторого ограниченного числа контекстов, и поэтому (13) нельзя считать простым сочинением клауз, подобным русскому «...и поэтому...».

2.2.3. Позиция союза

Как уже было сказано выше, в осетинском языке подчинительный показатель всегда находится либо в начале клаузы, либо в предглагольной позиции. При этом в начале клаузы ему может предшествовать топиализованная составляющая. Союз *æмае* в обеих псевдосочинительных конструкциях не относится ни к одному из этих классов — он всегда находится строго между двумя клаузами, и ему не может предшествовать никакая составляющая семантически зависимой клаузы:

- (14) **Зауыр æнхъæл у* [Алан *æй*
 Заур (думать) быть.PRS.3SG Алан он.GEN

æмае сай-ы].

и обманывать-PRS.3SG

(‘Заур думает, **что** Алан его обманывает.’)

- (15) **Зауыр сенахъаен фыдджын уым-аен ба-хорд-та,*
 Заур целый фыдджын тот-DAT PV-есть-PST.3SG
 [*аеххормаг ын амае уыд-и*].
 голод он.DAT и быть-PST.3SG
 ('Заур съел целый фыдджын, **потому что** был голоден.')

Это свидетельствует о том, что союз *амае* в обеих псевдосочинительных конструкциях занимает позицию сочинительного союза, то есть находится между двумя клаузами, не входя ни в одну из них. Таким образом, по крайней мере с точки зрения структуры составляющих, псевдосочинительные конструкции следует считать подклассом сочинительных.

2.2.4. Ограничения на анафору

В осетинском языке, как и во многих других языках [Haspelmath 1995], в канонически сочинительных предложениях катафора (т. е. предшествование анафора антецеденту) в большинстве случаев невозможна (16), а в подчинительных — возможна, если анафор находится в зависимой клаузе (17).

- (16) **Æз æй_i фед-тон,*
 я он.GEN PV:видеть-PST.1SG
амае маем Алан_i ба-дзырд-та.
 и я.ALL Алан PV-говорить-PST.3SG
 (*'Я его, увидел, и Алан_i меня позвал.')

- (17) *Æз æй_i куы фед-тон,*
 я он.GEN когда PV:видеть-PST.1SG
уæд Алан_i маем ба-дзырд-та.
 тогда Алан я.ALL PV-говорить-PST.3SG
 'Когда я его увидел, Алан меня позвал.'

Проверить этот признак возможно только для каузального псевдосочинения, где взаимное расположение клауз свободно. В этой конструкции катафора из семантически зависимой клаузы невозможна, что говорит о сочинительном характере конструкции:

- (18) **Æххормаг ын_i уыд-и,*
 голод он.DAT быть-PST.3SG
амае уым-аен Зауыр_i сенахъаен фыдджын ба-хорд-та.
 и тот-DAT Заур целый фыдджын PV-есть-PST.3SG
 ('Потому что он_i был голоден, Заур_i съел целый фыдджын.')

2.2.5. Островные ограничения

В осетинском языке сочинительные конструкции подчиняются т. н. ограничению на сочинительную структуру Дж. Росса (Coordinate Structure Constraint, [Ross 1967]). Никакая из составляющих одного из конъюнктов не может быть мишенью синтаксического правила, применяемого извне сочиненной группы. В частности, нельзя использовать в коррелятивной конструкции две сочиненные клаузы, только одна из которых содержит предглагольное вопросительно-относительное местоимение или предглагольный подчинительный союз; такой показатель должен обязательно присутствовать в обеих клаузах.

- (19) [*Алан хæдзар-мæ кæй æрба-цъд-ис*
Алан дом-ALL COMPL PV-идти-*пст.3sg*]

æмæ *(*кæй*) *с-хуыссъд*], *уый* *зон-ын*
и COMPL PV-спать[*пст.3sg*] тот знать-*прс.1sg*

‘Я знаю, что Алан пришел домой и лег спать’ (букв. ‘Что Алан пришел домой и *(что) лег спать, это я знаю.’)

При этом релятивизация участника главной клаузы (но не зависимой) при подчинении допустима:

- (20) *Æз фæд-т-он*, [[*æххормаг* (**чи*) *кæй* *уыд-и*]
я PV:видеть-*тр-пст.1sg* голодный кто COMPL быть-*пст.3sg*

уый *тыххæй æнæхъæн фыдджын чи ба-хорд-та*],
тот[*ген*] для целый фыдджын кто PV-есть-*пст.3sg*

уы-цы *лæнгу-йы*.
тот-*аттр* мальчик-*ген*

‘Я видел того мальчика, который съел целый фыдджын, **потому что** был голоден’.

По отношению к этому признаку две псевдосочинительные конструкции проявляют разные свойства. Релятивизация из семантически главной клаузы в пропозициональном псевдосочинении возможна (21), тогда как в каузальном псевдосочинении релятивизация невозможна ни в каком виде (22):

- (21) [*Афтæ æнхъæл куй уыд-аин*,
так (думать) если быть-*cntrf.1sg*

æмæ *мæ сай-гæ* (**куы*) *кæн-ыс*],
и я.*ген* обманывать-*птср* если делать-*прс.2sg*

уæд *демæ* *ныхас* *нæ* *код-таин.*
 тогда ты.COMIT речь NEG делать-CNTRF.1SG

‘Если бы я думал, что ты меня обманываешь, я бы с тобой не разговаривал.’

- (22) * [*Зæлина-йы* *уымæн* *кæуы* *фæнд-ы* *мæн-мæ*
 Залина-GEN TOT.DAT если хотеть-PRS.3SG я-ALL
чындз-ы *‘р-цæу-ын,* *æмæ* *хъæздыг* (*кæуы*) *дæн*],
 невеста-IN PV-идти-INF и богатый если быть.PRS.1SG
уæд *æз* *разы* *нæ* *дæн.*
 тогда я согласный NEG быть.PRS.1SG

‘(Если Залина хочет выйти за меня замуж (только) **потому, что** я богатый, то я не согласен.)’

2.2.6. Отрицание «скрытой» предикации

Важным отличием обстоятельственных подчинительных конструкций от канонических сочинительных конструкций является тот факт, что ассертивная часть подчинительной конструкции включает в себя, помимо главной предикации (а также, в некоторых конструкциях, зависимой), также и компонент значения, передающий связь между двумя ситуациями. Это видно из того, как ведут себя предложения с обстоятельственными придаточными при помещении их в сферу действия внешнего отрицания (например, предиката ‘неверно, что...’). В таком случае возможна интерпретация, при которой ситуации, выражаемые главной и зависимой клаузами, обе истинны, а отрицанию подвергается лишь отношение между этими ситуациями:

- (23) *Неправда, что ты проснулся, когда рассвело. Ты проснулся значительно позже!*
 (24) *Неправда, что он женился на ней, потому что она богатая. Он женился по любви!*

Очевидно, что в предложении (23) и главная, и зависимая клаузы являются истинными, а отрицанию подвергается лишь их одновременность. Аналогичным образом в (24) не отрицается ни факт женитьбы, ни факт богатства невесты — отрицанию подвергается лишь связь этих фактов между собой.

С другой стороны, в сочинительных конструкциях внешнее отрицание может затрагивать либо обе ситуации, либо (что реже) только одну из них,

но само отношение между ситуациями (при истинности обеих) в сфере действия отрицания находиться не может. Интересно, что это относится не только к конструкциям с союзам *и* и *а* (25), но и к противительным конструкциям (26), где, казалось бы, семантическое отношение между двумя клаузами выражено достаточно явно.

- (25) *??Неправда, что я пообедал, а потом ходил в паспортный стол. Всё было наоборот: сначала я ходил в паспортный стол, а потом пообедал.*
- (26) **Неправда, что она умная, но красивая. Эти качества не противоречат друг другу!*

Объяснение этому различию между сочинением и подчинением будет предложено ниже. Важным является тот факт, что в осетинском языке причинная псевдосочинительная конструкция, в остальном относящаяся скорее к сочинению, по данному признаку демонстрирует подчинительные свойства:

- (27) *Мæнз у, æмæ Зæлина Алан-мæ*
 неправда быть.PRS.3SG и Залина Алан-ALL
чындз-ы 'р-цыд-и,
 невеста-IN PV-идти-PST.INTR.3SG
уым-æн æмæ уый хъæздыг у.
 тот-ДАТ и тот богатый быть.PRS.3SG
Уый йæ уарз-ы!
 тот она.GEN любить-PRS.3SG

‘Неправда, что Залина вышла замуж за Алана, **потому что** он богатый. Она его любит!’

Этот тест неприменим к конструкциям с сентенциальными актантами по той причине, что в последних «скрытый» предикат, связывающий две клаузы, отсутствует: зависимая клауза сама по себе является актантом главной.

2.3.7. Использование местоимения ‘это’

Применим другой тест на сочинение/подчинение, предложенный в работе [Пекелис 2009]. Суть теста состоит в том, что местоимение *это*, антецедентом которого является предложение, может использоваться как одна из частей сложного предложения только в том случае, если связь между двумя частями этого предложения является подчинительной. Ср. следующие примеры:

- (28) *Современная фотография стала банальной, приторной и неинтересной, и всё это, потому что мнит себя искусством* [Пекелис 2009: 96].
- (29) *Маша была занята подготовкой к экзамену и к тому же простужена. *Это/*Всё это, и мы не взяли ее с собой.*

В (28) антецедентом местоимения *это* является предложение *Современная фотография стала банальной, приторной и неинтересной*, а само местоимение заменяет главную клаузу при придаточном причины. В (29) *это* аналогичным образом относится к предложению *Маша была занята подготовкой к экзамену и к тому же простужена*, но выступает в качестве одного из конъюнктов в сочинительной конструкции, и поэтому пример (29) не является приемлемым.

Очевидно, это тест применим только к обстоятельственным придаточным: сентенциальные актанты по определению являются неотъемлемыми частями главной клаузы (это — определяющий признак актантов), и поэтому использование местоимения для референции к главной клаузе, не содержащей одного из своих актантов, невозможно по независимым причинам.

Данный тест был сформулирован О. Е. Пекелис на материале русского языка, и есть все основания полагать, что применение его в других языках может быть затруднено из-за отличного от русского поведения анафорических местоимений. Однако для осетинского языка данный тест оказывается вполне применимым и дает для канонических конструкций те же результаты, что и в русском языке:

- (30) *Ды ба-фæстиат да.
ты PV-опоздание быть.PRS.2SG
Уый, æмæ да урок дæр не с-ахуыр код-тай.
тот и твой урок ADD NEG PV-учеба делать-PST.2SG
(*‘Ты опоздал. Это, и еще ты урок не выучил.’)

Но, несмотря на то что использование конструкции с *уый* в сочинительных конструкциях невозможно, оно оказывается допустимым в причинной псевдосочинительной конструкции:

- (31) Уый уым-æн, æмæ Цъеретели æппæт йæ цард æмæ
тот тот-ДАТ и Церетели весь его жизнь и
йæ сфæлдыстад с-нывонд код-та йæ адæм-æн
его творчество PV-жертва делать-PST.3SG его народ-ДАТ
‘Это потому, что Церетели всю свою жизнь и всё свое творчество пожертвовал своему народу.’ (Осетинский национальный корпус)

2.3. Обобщение результатов и проблемы для двухуровневого анализа

Результаты применения вышеприведенных тестов суммированы в табл. 1.

Таблица 1

Сочинительно-подчинительные свойства осетинских конструкций

Признак	Причинный <i>æмæ</i>	Пропозициональный <i>æмæ</i>
Порядок клауз	сочинение	сочинение
Позиция союза	сочинение	сочинение
Анафора	сочинение	—
Островные ограничения	сочинение	подчинение
Отрицание	подчинение	—
Использование местоимения 'это'	подчинение	—

Как видно из табл. 1, в целом рассмотренные конструкции хорошо укладываются в схему, предложенную в работе [Yuasa, Sadock 2002]: по таким «поверхностным» признакам, как линейный порядок и позиция союза, обе конструкции являются сочинительными, в то время как по большинству «глубинных» признаков (анафора, относительный временной дейксис и островные ограничения) причинная конструкция проявляет сочинительные свойства, а пропозициональная — подчинительные. Принимая в расчет только эти признаки, можно прийти к выводу, что причинная конструкция относится к классу канонически сочинительных, а пропозициональная является псевдосочинительной, т. е. синтаксически сочинительной, но семантически подчинительной.

Однако характеристика причинной конструкции как «семантически сочинительной» выглядит достаточно спорной в виду большинства подходов к тому, чем является семантическое сочинение / подчинение. Общеизвестного определения этих понятий не существует, однако практически все подходы к данному вопросу сводятся к тому, что сочинительные конструкции являются симметричными, а подчинительные — асимметричными. Конечно, вопрос о том, насколько даже канонические сочинительные конструкции, обозначающие последовательность событий или несоответствие ожиданиям, можно считать «семантически симметричными», является спорным.

Однако представляется довольно очевидным, что такие значения, как причина, условие или цель, должны однозначно относиться к классу

семантически подчинительных, так как отношение каузации, стоящее за этими понятиями, бесспорно, является асимметричным. Таким образом, если отнести причинную конструкцию к классу «семантически сочинительных», то концепция Д. Куликовера и Р. Джэкендоффа теряет в предсказательной силе: понятия «семантического» сочинения и подчинения оказываются определены чисто формально исходя из синтаксических свойств конструкции, и предсказать, к какому из этих двух классов относится та или иная конструкция, исходя из одного лишь ее значения, невозможно. Но в таком случае не вполне понятно, какое отношение эти понятия имеют к собственно семантике.

Другая проблема для двухуровневого анализа осетинского материала состоит в том, что признаки для конструкций образуют не два класса, как можно было бы ожидать, а три. Это видно из того, что тесты на отрицание и на конструкцию с местоимением *это* дают для причинной конструкции результат «подчинение», хотя по всем остальным признакам она является сочинительной. Это вынуждает постулировать не два, а три уровня, на которых определяются понятия «сочинение» и «подчинение». По-видимому, первые два уровня («синтаксис» и «семантика» у предшествующих исследователей) оба относятся к синтаксису, тогда как третий уровень относится к семантике, будучи напрямую зависимым от значения конструкции.

3. Конструкции причины в русском языке

В русском языке имеется несколько союзов со значением причины. В настоящем разделе будут рассмотрены три таких союза: *потому что* (наименее маркированный и наиболее частотный союз), *так как* и *поскольку*. Все три союза в конечном итоге восходят к сочетаниям из нескольких слов, но их синхронные свойства различны. Оба компонента союза *потому что* обладают отделимостью и просодической самостоятельностью, причем *потому* относится к главной клаузой, а *что* — к зависимой:

- (32) *Странно и хорошо, и именно потому хорошо, [что странно]*
[И. Грекова. На испытаниях (1967); НКРЯ].

В работе [Падучева 1996] выделяются два отдельных варианта союза: «нерасчлененный» и «расчлененный». Как показывает Е. В. Падучева, эти два варианта имеют разные свойства с точки зрения информационной структуры, но остается не вполне ясным, стоит ли рассматривать их как отдельные лексемы. В настоящем разделе из соображений объема я буду

в целом рассматривать их в качестве вариантов одной конструкции, указывая на различия лишь в тех случаях, когда это релевантно.

Союз *так как* является, в отличие от своего диахронического источника (*так, как* в значении образа действия), нерасчленимым:

(33) *Я так обрадовался, как никогда раньше.*

(34) а. *Я обрадовался, так как ты пришел.*

б. **Я так обрадовался, как ты пришел.*

Наконец, союз *поскольку*, происходя из сочетания предлога и вопросительно-относительного слова, не может быть разделен на отдельные компоненты и, по-видимому, уже рассматривается языком как одно слово.

В большинстве контекстов эти союзы являются взаимозаменяемыми, обладая лишь отдельными стилистическими особенностями. Однако их синтаксические и семантические свойства весьма различны и ставят под вопрос традиционную дихотомию сочинения и подчинения.

3.1. Свойства союзов

3.1.1. Порядок слов

Ядерные конструкции. Русский язык в целом допускает как свободное гнездование зависимой клаузы внутри главной, так и свободный линейный порядок двух клауз. Это служит достаточно надежным критерием сочинения и подчинения:

(35) а. [*Когда Настя пришла домой*], она легла спать.

б. *Настя легла спать, [когда пришла домой].*

с. *Настя, [когда пришла домой], лег спать.*

(36) а. *Настя пришла домой и легла спать.*

б. **Настя, и легла спать, пришла домой.*

с. **И легла спать, Настя пришла домой.*

д. *#Настя легла спать и пришла домой.*

Конструкции причины. В соответствии с этим критерием предложения с союзами *так как* и *поскольку* однозначно являются подчинительными: их можно свободно вложить в главную клаузу.

- (37) а. [**Так как** Настя позвала Соню], она пришла.
 б. Соня, [**так как** Настя ее позвала], пришла.
- (38) а. [**Поскольку** Настя позвала Соню], она пришла.
 б. Соня, [**поскольку** Настя ее позвала], пришла.

Союз *потому что* ведет себя иначе: ни один из его вариантов не допускает гнездования; препозиция возможна лишь маргинально.

- (39) а. [?][**Потому что** Настя позвала Соню], она пришла.
 б. *Соня, [**потому что** Настя его позвала], пришла.
- (40) а. Настя **потому** ко мне пришла, [**что** я ее позвал].
 б. * [**Что** я ее позвал], Настя **потому** ко мне пришла.

Ранее предпринимались попытки объяснить такое поведение союза *потому что* ограничениями на информационную структуру вводимых им придаточных. В частности, утверждалось, что оно является следствием того, что клаузы, вводимые этим союзом, всегда вводят новую информацию [Апресян, Пекелис 2012]. В этом случае низкая степень допустимости препозиции зависимой клаузы объясняется ассоциацией между началом предложения и топиальностью, которая предполагает старую информацию. Однако недопустимость гнездования объяснить таким образом труднее: в русском языке не существует общего запрета на гнездование клауз с новой информацией.

В целом, как кажется, объяснение в терминах информационной структуры является слишком слабым: оно не предсказывает таких строгих запретов на порядок слов, как в (39)—(40), особенно в том, что касается контраста между различными причинными союзами. Представляется более разумным чисто синтаксическое или конструкционное объяснение. Например, придаточные с *потому что* могут присоединяться на более высоком уровне, чем другие придаточные причины, или даже иметь сочинительный синтаксис. Это, в свою очередь, может быть связано с описанной ранее тенденцией этих клауз обозначать новую информацию. Анализ этих данных будет предложен ниже.

3.1.2. Вынос Across-the-Board (АТВ), сфера действия сослагательного наклонения, эллипсис глагола

Ядерные конструкции. Другой набор критериев касается **возможности выноса АТВ, сферы действия сослагательного наклонения, приписыва-**

ваемого матричным глаголом, и **эллипсиса глагола (гэппинга)**. Все эти тесты являются достаточно надежными для канонических случаев:

- (41) сфера действия модальности
- Я хочу, **чтобы**, [когда ты придешь домой], ты лег спать.*
 - Я хочу, **чтобы** ты {пришел / *придешь} домой и {лег / ляжешь} спать.*
- (42) АТВ-вынос
- Что** Настя сломала __, а Соня съела __?*
 - ***Что** Соня съела __, **когда** Настя сломала __?*
- (43) эллипсис глагола
- Насте подарили велосипед, а Соне — куклу.*
 - *Насте подарили велосипед, **когда** Соне — куклу.*

АТВ-вынос обычно рассматривается в качестве одного из следствий Ограничения на сочиненную структуру Дж. Росса (ОСС, [Ross 1967]), но, хотя эти явления и связаны, в [Belyaev 2015b] было показано, что ОСС ведет себя несколько иначе и не обязательно отражает синтаксическое различие между сочинением и подчинением.

Конструкции причины. В отличие от линейного порядка, по этим критериям все три конструкции оказываются подчинительными:

- (44) ****Что** Наташа выбросила __, {**потому что** / **так как** / **поскольку**} Настя сломала __?*
- (45) **Республиканцы получили меньшинство мест, {**потому что** / **так как** / **поскольку**} большинство — демократы. (измененный пример с союзом *ибо* из работы [Пекелис 2009: 115])*
- (46) *Если ты будешь жениться на девушке, то я хочу, **чтобы** ты женился на ней, {**потому что** / ?**так как** / **поскольку**} ее любишь / #любил [а не потому, что она богата].*

3.1.3. Семантические свойства

Ядерные конструкции. Наконец, применим к русским конструкциям третьей серию тестов, касающуюся возможности **помещения значения союза в сферу действия некоторого семантического оператора**, а также его

фокусирования (например, в ответе на вопрос). Это в целом возможно для подчинительных союзов, но не для сочинительных:

(47) фокусная частица

а. *Настя пошла спать, **только** когда я ее позвал.*

б. **«Только»⁷ я позвал Настю, <только> и она пошла спать.*

(49) термовое отрицание

*Настя пошла спать, **не** [когда я ее позвал], а позже.*

(50) внешнее отрицание

*#Неверно, что Настя умная, **но** красивая: эти качества не противоречат друг другу!*

(51) ответ на вопрос (узкий фокус)

(Почему Соня заплакала)?

^{OK}*Наверное, Соня заплакала, **потому что** Настя ее ударила.*

*#Наверное, Настя ударила Соню, **и** она ушла.*

Надежным тестом на фокусирование подчинительного отношения является ранее упомянутый тест на конструкцию с местоимением *это / всё это* из [Пекелис 2008]:

(52) *Современная фотография стала банальной, приторной и неинтересной, и **всё это, потому что** мнит себя искусством* [Пекелис 2009: 96].

(53) *Маша была занята подготовкой к экзамену и к тому же простужена. *{**Это / всё это**}, и мы не взяли ее с собой* [Там же: 98].

Таким способом можно фокусировать только подчиненные клаузы.

Конструкции причины. Союз *так как* не может использоваться в конструкции с *это*, тогда как *потому что* используется в ней свободно:

(54) *это*-фокус

*Асфальт мокрый, но **это** {*так как / потому что / поскольку} дождь прошел.*

⁷ Подразумевается именно возможность использования *только* в значении фокусной частицы. Начальная позиция *только*, разумеется, грамматична, если этот элемент используется в значении союза *как только*.

Хотя по мнению некоторых носителей *поскольку* в (54) звучит несколько неестественно, в корпусе встречаются аналогичные контексты с этим союзом; особенно хороший пример приводится в работе [Пекелис 2009]:

(55) *это-фокус (поскольку)*

*Мне было очень забавно, но **это поскольку** я знаю многих из тех, о ком идет речь* [Там же: 96].

Союз *так как* ни при каких условиях не может быть в сфере действия отрицания, тогда как *потому что*, в своем «расчлененном» варианте, — может:

(56) отрицание

а. **Я пришел, **не так как** он меня пригласил, а сам по себе.*

б. *Я пришел **не потому, что** он меня пригласил, а сам по себе.*

Как кажется, *поскольку* в этом сконструированном примере было бы неестественным, но в корпусе легко находятся вполне естественные (пусть и несколько академичные) контексты:

(57) отрицание (*поскольку*)

*Бог заповедал Адаму делать добро и отыскивать его с точки зрения добра, а **не поскольку** оно противоположно злу* [Олег Аронсон. Телевизионный образ, или Подражание Адаму // *Неприкосновенный запас*, 2003.11.11; НКРЯ].

(58) *Ведь врач строит дом не как врач, а как строитель и седьм становится **не поскольку** он врач, а **поскольку** он брюнет* (Аристотель. *Физика*. Кн. 1, ч. 8 / Пер. на русск. яз. В. П. Карпова).

С частицей *только* сочетаются союзы *потому что* (в расчлененной версии) и *поскольку*, но не *так как*:

(59) фокусная частица

а. *Лужиным он занимался **только поскольку** это был феномен, — явление странное, несколько уродливое, но обаятельное, как кривые ноги таксы* (В. Набоков. *Защита Лужина*, из [Пекелис 2009: 46]).

б. *Лужиным он занимался **только** {*так как / потому, что} ...*

Наконец, *так как* не может использоваться в ответе на вопрос с *почему*, в отличие от *потому что*:

(60) ответ на вопрос с *почему*

(Людей, страдающих туберкулезом, раньше посылали на лечение в Крым.)

Почему? {**Потому что** / ***так как**} *воздух в Крыму волшебный. Удивительный* [В Крыму будет нечем дышать (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.24; НКРЯ].

Использование *поскольку* в ответе на вопрос несколько маргинально, однако примеры такого типа встречаются в очень формальном или бюрократическом языке, в частности в юридических текстах:

(61) (Ранее в проекте Конституции было сказано: «Никто не может быть выдан другому государству»; теперь там сказано: «Гражданин Российской Федерации не может быть выдан другому государству».)

Почему? **Поскольку** *здесь регламентируется правовое положение граждан Российской Федерации, а не вообще всех людей* (О. Г. Румянцев (ред.). *Из истории создания Конституции Российской Федерации*. Т. 3: 1992 год. Кн. 2. М.: Wolters Kluwer, 2008. С. 386)⁸.

Таким образом, *поскольку* и *потому что* могут находиться в сфере действия внешних операторов и фокусных показателей, в то время как *так как* не может. Следовательно, в соответствии с этим критерием *так как* является сочинительным, а *потому что* и *поскольку* — подчинительными. Это не соответствует ни данным линейного порядка, ни АТВ-выносу и сфере действия сослагательного наклонения.

3.2. Выводы

В результате получается распределение признаков по конструкциям, показанное в табл. 2.

Таблица 2

Сочинительно-подчинительные свойства русских союзов

Союз	Линейный порядок	Вынос, наклонение	Сфера действия
<i>потому что</i>	сочинение	подчинение	подчинение
<i>так как</i>	подчинение	подчинение	сочинение
<i>поскольку</i>	подчинение	подчинение	подчинение

⁸ Несмотря на то что тематика этого предложения связана с юриспруденцией, следует отметить, что цитируемый источник представляет собой стенограмму

Таким образом, мы видим, что для адекватного описания синтаксиса русских союзов нужно разделить тесты не на две, а на три группы, как и для осетинского языка. Это означает, что если принимать уровневый подход [Culicover, Jackendoff 1997; Yuasa, Sadock 2002], то нужно различать не два, а три уровня; иными словами, между уровнями «синтаксиса» и «семантики» должен находиться какой-то третий. Каким же должен быть этот уровень и какие именно критерии его выделяют? На этот вопрос я попытаюсь ответить в следующем разделе.

4. Анализ

4.1. Семантическое сочинение и подчинение

В данном разделе я продемонстрирую, почему тесты, связанные со сферой действия, относятся именно к семантическому уровню, а не к синтаксическому.

Тест на отрицание служит для выявления того, имеется ли в ассертивной части высказывания «скрытый» предикат, связывающий две клаузы. Очевидно, речь идет исключительно об уровне семантики, а не об уровне синтаксиса: с синтаксической точки зрения вершиной всего предложения является предикат главной клаузы, а не союз.

То же можно сказать о конструкции с *это*. Значение этой конструкции состоит в том, чтобы подчеркнуть наличие связи между некоторой уже заданной в контексте ситуацией и некоторой другой ситуацией. Если такая связь явно не выражена в значении предложения, то конструкция не может быть употреблена. Такое объяснение предпочтительнее предлагаемого О. Е. Пекелис коммуникативного объяснения, потому что сфера употребления конструкции с *это* не ограничивается сложными предложениями. Эта конструкция также используется с не-сентенциальными сирконстантами предложения, при этом с актантами она использоваться не может:

(42) *Замерзает не только взлетная полоса, но и сам Йошкар-Олинский аэропорт. И это в преддверии большой даты — 80-летия гражданской авиации в России <...> (И вновь заледенела полоса (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.16)*

(43) **Федор приехал. И это в Москву!*

заседания по подготовке Конституции. То есть пример взят из устной речи, хотя и специфического характера.

Это свойство конструкции с *это* также объясняется наличием в предложениях с сирконстантами скрытой предикации (*аэропорт замерзает в преддверии большой даты* содержит две семантические предикации: ‘аэропорт замерзает’ (X) и ‘время X — в преддверии большой даты’), тогда как актант с глаголом, к которому он относится, не связывает никакое самостоятельное отношение (*Федор приехал в Москву*, очевидно, не содержит в качестве самостоятельной ассерции предикацию ‘место X — Москва’). О том, что сирконстанты, в отличие от актантов, вводят собственные семантические предикаты, см. тж. [Тестелец 2001: 190—191].

По-видимому, наличие самостоятельной ассерции, связывающей главную и зависимую предикации, — это и есть ключевой признак, отличающий семантическое сочинение от семантического обстоятельственного подчинения. Несмотря на то что связь между клаузами в сочинительной конструкции также часто обладает вполне конкретной семантикой (особенно в случае союзов типа *но*), эта семантика не принадлежит к собственно пропозициональному уровню высказывания, т. е. не относится ни к логической ассерции, ни к логической пресуппозиции. Так, в работе [Урысон 2011] центральным компонентом значения противительных союзов считается «пресуппозиция» ожидаемого порядка вещей. Но очевидно, что здесь понятие пресуппозиции не используется в собственно логическом смысле: например, для оценки истинности высказывания *Она умная, но красивая* вовсе не обязательно соглашаться с тем, что умные женщины обычно некрасивы.

По-видимому, отношение между частями сочинительной конструкции описывается понятием *прагматической пресуппозиции* [Stalnaker 1974; Sellars 1954; Падучева 1981]. В отличие от логической пресуппозиции, прагматическая пресуппозиция не выражает объективно истинное суждение, а отражает мнение говорящего. При этом для признания высказывания с прагматической пресуппозицией истинным необязательно признавать это мнение истинным. Так, по мнению Е. В. Падучевой, понятие прагматической презумпции является удобным формальным средством для описания семантики таких частиц, как *даже*, *ведь*. Действительно, истинность высказывания *Даже Вася приехал!* связана исключительно с фактом приезда Васи; неожиданность этого события, выраженная частицей *даже*, есть исключительно мнение говорящего. Такое же рассуждение действует и для сочинительных конструкций. Представим себе следующий диалог: *Серезжа написал статью, но она, как ни странно, получилась хорошей. — Это неправда!* Здесь второе высказывание может означать как отрицание обеих пропозиций, так и отрицание только одной из них (например того,

что статья получилась хорошей, или того, что Сережа вообще писал статью). Но ни при какой интерпретации второго высказывания произносящий его не обязан соглашаться с прагматической пресуппозицией *Обычно Сережа пишет плохие статьи*.

Это утверждение несложно проверить. Действительно, если считать, что соответствие / несоответствие ожиданиям является прагматической пресуппозицией, и если моя интерпретация тестов на отрицание и на использование конструкции с 'это' является правильной, то любая конструкция, значение которой включает в себя этот компонент, должна вести себя в соответствии с этими двумя тестами аналогично сочинительным конструкциям. Это предсказание подтверждается: в синтаксически подчинительной конструкции с союзом *хотя*, значение которой, аналогично значению союза *но*, описывается в терминах «обманутых ожиданий» [Урысон 2011], невозможно отрицание отношения между двумя клаузами, равно как и использование конструкции с *это*:

(44) **Неправда, что статья получилась хорошей, хотя ее написал Сережа. Сережа — хороший ученый!*

(45) **Статья получилась хорошей. Это хотя ее написал Сережа.*

Следовательно, отношение между двумя предикациями в сочинительной конструкции не оказывает никакого влияния на истинность предложения и недоступно для каких-либо внешних семантических операторов. Таким образом, понятие сочинения с точки зрения семантики «в узком смысле» (т. е. условий истинности) сводится к конъюнкции двух пропозиций, тогда как понятие подчинения (опуская пока что из внимания относительные предложения) неоднородно: либо одна из пропозиций включает другую в качестве аргумента (сентенциальные актанты), либо помимо двух пропозиций конструкция содержит также третью, связывающую их (обстоятельственные предложения). Относительные предложения обычно трактуются как конъюнкция двух ситуаций, в которых есть общий участник (т. е. предложение вида *Я видел того, кто пришел* имеет значение 'пришел (X) & видеть(я, X)'⁹). Такое разнообразие полипредикации с точки зрения семантики наводит на мысль, что понятие «семантическое подчинение» не имеет большого теоретического смысла. Действительно, даже тесты,

⁹ Ранний пример такого подхода ср. в [Rodman 1972]; впоследствии представление семантики относительных конструкций в виде конъюнкции двух ситуаций использовалось практически во всех работах по формальной семантике, посвященных этой теме.

противопоставляющие обстоятельственное подчинение и сочинение, не действуют для сентенциальных актантов и относительных предложений. В связи с этим следует признать, что понятия «сочинение» и «подчинение» являются исключительно синтаксическими, а семантику конструкций следует описывать при помощи более дробной классификации. Однако пока такой классификации не разработано, я буду придерживаться традиционного бинарного противопоставления также и на уровне семантики.

4.2. Анализ осетинского языка

Таким образом, псевдосочинительные конструкции в осетинском языке по-разному характеризуются с точки зрения понятий сочинения и подчинения. Пропозициональное псевдосочинение является сочинительным только на уровне структуры составляющих. На уровне «глубинного» синтаксиса и на уровне семантики данная конструкция является подчинительной. Причинная конструкция, напротив, является сочинительной на обоих синтаксических уровнях, но, в полном соответствии со своим значением, является подчинительной на уровне семантики.

Предлагаемое решение требует наличия в грамматике как минимум трех отдельных уровней: структуры составляющих, «глубинного» синтаксиса (уровня грамматических отношений) и семантики. Именно такое представление о структуре предложения характерно для Лексико-функциональной грамматики (ЛФГ) [Kaplan, Bresnan 1982], где этим уровням соответствуют *c*-структура, *f*-структура и семантическая структура (*s*-структура) [Dalrymple 2001; Lev 2007]. Подробная формализация предлагаемых понятий и обоснование предпочтения именно этой теоретической парадигмы другим уровневым теориям выходят за рамки данной статьи. Однако для удобства, следуя терминологии ЛФГ, я предлагаю использовать сокращенные названия для сочинения и подчинения на каждом из этих уровней: *c*-сочинение и подчинение, *f*-сочинение и подчинение, и *s*-сочинение и подчинение.

Для наглядности предлагаемая классификация псевдосочинительных и канонически подчинительных и сочинительных конструкций представлена в табл. 3.

Подробная формализация осетинских конструкций в терминах ЛФГ и формальной семантики предложена в статье [Belyaev 2015a].

Таблица 3

Классификация осетинских полипредикативных конструкций

	<i>С</i> -структура	<i>F</i> -структура	<i>S</i> -структура
сочинение	соч.	соч.	соч.
подчинение	подч.	подч.	подч.
причинное псевдосочинение	соч.	соч.	подч.
пропозициональное псевдосочинение	соч.	подч.	подч.

4.3. Анализ русского языка

Как показано в разделе 3, конструкции причины в русском языке, несмотря на огромные отличия их синтаксиса от осетинского псевдосочинения, демонстрируют похожие свойства. А именно — критерии сочинения и подчинения при применении к этим конструкциям точно так же распадаются на три класса: во-первых, тесты на линейный порядок; во-вторых, тесты на АТВ-передвижение и другие аналогичные эффекты (сфера действия сослагательного наклонения и под.); в-третьих, семантические тесты на сферу действия и фокусирование. Отличается только распределение сочинительно-подчинительного статуса по уровням: если в осетинском языке причинное псевдосочинение является семантически подчинительным, но синтаксически сочинительным, то в русском языке, напротив, конструкция с *потому что* является сочинительной на уровне *с*-структуры, но подчинительной как на *f*-структуре, так и на уровне семантике. Союз *так как* ведет себя аналогично осетинскому *уымаен аемае* ‘потому что’. Результаты можно представить в виде табл. 4.

Таблица 4

Классификация русских полипредикативных конструкций

	<i>С</i> -структура	<i>F</i> -структура	<i>S</i> -структура
сочинение	соч.	соч.	соч.
подчинение	подч.	подч.	подч.
<i>потому что</i>	соч.	подч.	подч.
<i>поскольку</i>	подч.	подч.	подч.
<i>так как</i>	соч.	соч.	подч.

Формализацию этого анализа см. в работе [Belyaev 2015b].

5. Заключение

В главе были рассмотрены две полипредикативные конструкции осетинского языка, в которых используется сочинительный союз *æмæ* 'и', а также русские конструкции причины, на предмет их классификации в терминах сочинения и подчинения. Подобные конструкции часто демонстрируют смешанные сочинительно-подчинительные свойства и были ранее достаточно подробно изучены на материале европейских языков. Одной из известнейших работ, посвященных данному типу сложных предложений, является работа [Culicover, Jackendoff 1997], в которой смешанные свойства английских конструкций такого типа трактуются как результат несоответствия (*mismatch*) между синтаксисом и семантикой. Впоследствии этот подход получил развитие в работе [Yuasa, Sadock 2002], где для подобных конструкций в языках мира были предложены термины *псевдосочинение* и *псевдоподчинение*. Первый термин обозначает синтаксически сочинительные, но семантически подчинительные конструкции, второй — наоборот, синтаксически подчинительные, но семантически сочинительные.

Однако данные исследуемых конструкций говорят о том, что такой подход должен быть пересмотрен. Применение известных из литературы тестов обнаруживает не два, а три уровня, на которых должны определяться понятия «сочинение» и «подчинение». А именно — в осетинском языке причинная конструкция, являющаяся полностью сочинительной по всем традиционным тестам, оказывается подчинительной по двум признакам: по признаку использования в конструкции с 'это' [Пекелис 2009] и по признаку возможности попадания отношения между клаузами в сферу действия отрицания. В то же время пропозициональная псевдосочинительная конструкция является подчинительной не только по этим двум признакам, но и по всем признакам, ранее относимым к «семантическому» уровню. В то же время по тестам «синтаксического» уровня (таким как тест на гнездование) она является сочинительной.

Таким образом, если пропозициональная конструкция является псевдосочинительной в соответствии с исходным определением в [Yuasa, Sadock 2002], то причинную конструкцию, вопреки ее значению, следовало бы признать полностью сочинительной, если бы не два теста, относящих ее к подчинению.

В русском языке конструкция с *так как* демонстрирует свойства, аналогичные причинному псевдосочинению в осетинском языке. При этом конструкция с *потому что* оказывается подчинительной по всем признакам, кроме линейного порядка клауз и позиции союза. Таким образом, в русском языке уровни делятся на те же две группы, что и в осетинском.

На мой взгляд, проблему описания псевдосочинения в осетинском языке и причины в русском языке можно решить, предположив, что между уровнем «поверхностного» синтаксиса, т. е. структуры составляющих, с одной стороны, и уровнем семантики, с другой стороны, имеется также промежуточный уровень «глубинного синтаксиса». Уровень структуры составляющих отвечает за свойства конструкций, связанные с линейным порядком клауз и позицией союза, на уровне же «глубинного» синтаксиса задаются грамматические отношения, ограничения на анафору и на возможность выноса элементов одной клаузы в другую. Оба эти уровня существуют отдельно от уровня семантики, на котором задается собственно значение конструкции.

Таким образом, каждая полипредикативная конструкция должна характеризоваться не по одной шкале «сочинение ↔ подчинение», а по двум таким шкалам, относящимся к уровням «поверхностного» синтаксиса (структуры составляющих) и «глубинного» синтаксиса (грамматических отношений). На обоих уровнях достаточно четко выделяется бинарное противопоставление сочинения и подчинения, хотя, конечно, и структурных типов подчинения существует большое количество, и некоторые из них (например, адьюнкция к ХР) оказываются довольно близки к сочинению. Эти две шкалы существуют отдельно от семантики конструкции, которая в общем случае не связана с ее позицией на этих шкалах, хотя определенные корреляции в этой области существуют. Семантический тип конструкции в спорных случаях определяется на основании особых диагностик, таких как тест на отрицание и на конструкцию с *это*, использованных выше.

При таком подходе к сочинению и подчинению осетинскую причинную конструкцию можно охарактеризовать как синтаксически сочинительную как на уровне структуры составляющих, так и на уровне грамматических отношений, но при этом семантически подчинительную. Русская конструкция с *так как* описывается аналогичным образом. Конструкция с *потому что* оказывается сочинительной на уровне структуры составляющих, но подчинительной как на уровне «глубинного» синтаксиса, так и на уровне семантики.

Предлагаемое здесь решение требует формализации в рамках теории, подразумевающей наличие как минимум трех независимых уровней представления предложения: структуры составляющих, «глубинного» синтаксиса и семантики. Именно такое представление структуры высказывания предлагается в таких теориях, как Лексико-функциональная грамматика, где центральное значение имеет противопоставление уровня *s*-структуры (структуры составляющих), уровня *f*-структуры («глубинного» синтаксиса,

представляющего собой множество пар «признак-значение») и уровня семантики. Таким образом, данные осетинского языка свидетельствуют в пользу выделения уровня, подобного *f*-структуре, как самостоятельного уровня представления структуры высказывания.

Для понятий сочинения и подчинения на трех вышеназванных уровнях языковой структуры предлагаются следующие сокращенные названия: *s*-сочинение и подчинение, *f*-сочинение и подчинение, и *s*-сочинение и подчинение.

Безусловно, скорее всего, далеко не все из предсказываемых в рамках данного подхода восьми типов полипредикативных конструкций реально встречаются в языках мира. Пределы вариативности в данной области предстоит выяснить, применяя данный подход к большему количеству языков. При этом тот факт, что и в осетинском, и в русском языке, несмотря на существенные различия между самими конструкциями, синтаксические и семантические признаки делятся на одни и те же три группы, предсказываемые теорией, позволяет нам надеяться на то, что этот подход принесет свои плоды и на более широкой выборке.

Список сокращений

ABL — аблатив; ALL — аллатив; COMIT — комитатив; COMPL — союз, вводящий сентенциальный актант; DAT — датив; DIST — указательное местоимение дальнего плана; ENCL — энклитическое местоимение; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IN — инэссив-иллатив; INDEF — показатель неопределенного местоимения; INF — инфинитив; INTR — непереходное спряжение глагола; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — притяжательное местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; PV — проверб; REFL — показатель рефлексивного местоимения; SVJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; TR — переходное спряжение глагола.